

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Периодизация культур Минусинской котловины была создана в 20-е годы С. А. Теплоуховым (1929, с. 41) и сохраняется до настоящего времени. Она была взята за основу С. В. Киселевым в его книге «Древняя история Южной Сибири», являющейся самой крупной работой по истории Минусинской котловины (Киселев, 1951). После ее выхода казалось, что вопрос о периодизации решен окончательно. Но с начала 60-х годов в результате расширения археологических работ, особенно Красноярской экспедиции, этот вопрос опять встал перед археологами. Появилось огромное количество новых материалов, изменились и их качественные особенности. До работ Красноярской экспедиции раскапывались отдельные могилы, причем погребальные сооружения в целом не изучались (исключение составляют лишь раскопки Д. А. Клеменца и исследования Салбыкского кургана С. В. Киселевым). Для указанной экспедиции характерно сплошное обследование тех территорий, где работали ее отряды; поэтому на небольших площадях удалось обнаружить и изучить памятники всех эпох. При этом тщательно рассматривались все разновременные надмогильные сооружения. В результате получены такие сведения о памятниках и культурах, которых раньше не было.

Новые материалы позволили выделить охуновскую культуру позднего энеолита (Максименков, 1964, 1965б, 1968) и поздний этап карасукской культуры (Грязнов, 1965б, с. 62), значительно расширили и углубили представления о других периодах бронзового и железного веков. Эти дополнения и уточнения подтверждают правоту созданной С. А. Теплоуховым периодизации.

В ее основу положено развитие могильных сооружений, погребального обряда и инвентаря

(Теплоухов, 1929, с. 42). Существующее среди сибирских археологов мнение, что С. А. Теплоухов классифицировал памятники только по их внешнему виду, неверно, так как он сам отмечал недостатки классификаций Д. А. Клеменца и И. П. Кузнецова-Красноярского, которые не связывали внешнего вида могил с их содержанием. Будучи по своим взглядам последовательным эволюционистом, С. А. Теплоухов допускал даже мысль, что всю минусинскую бронзу, может быть, стоит считать единой культурой, так как разные ее этапы между собой преемственно связаны. Но осторожность удержала его от такого крайнего вывода. Тем не менее чисто эволюционный взгляд на развитие культур эпохи бронзы в этом районе является основным недостатком классификации.

С. В. Киселев на новом материале дополнил характеристику культур и постарался показать внутреннюю структуру обществ, оставивших их (Киселев, 1951). Доказывая приход в карасукское время нового населения в Южную Сибирь, он вместе с тем прослеживал генетические связи между культурами, идущие еще с неолита (Киселев, 1951, с. 133).

Периодизация С. А. Теплоухова явилась основой периодизаций для других районов Сибири и Казахстана. Большинство исследователей придерживаются ее, но некоторые археологи (Н. Л. Членова, М. Д. Хлобыстина, Э. А. Новгородова), отталкиваясь от нее, пытаются создавать свои индивидуальные и оригинальные схемы порядка смены и места культур эпохи бронзы Минусинской котловины.

Представления этих трех авторов принципиально отличаются от периодизации С. А. Теплоухова, не сходны они и между собой, но для них характерен ряд общих черт: 1) отрицание последовательной смены культур в Минусинской котловине и конструирование одновремен-

ного и длительного сосуществования нескольких культур; 2) стремление установить прямую связь между культурами энеолита (афанасьевской и окуневской) и финалом бронзового века — каменнолоожским этапом карасукской культуры (лугавской и бейской группой памятников, по их терминологии); 3) утверждение незначительной роли андроновской и собственно карасукской культур в развитии этого района на протяжении эпохи бронзы; 4) утверждение о локальности памятников разных культур.

Накопление новых материалов и появление новых представлений о порядке смены и месте культур эпохи бронзы заставляют вернуться к вопросу о периодизации.

По признанию всех без исключения исследователей, наиболее древней культурой эпохи металла является афанасьевская (рис. 1, 1), вслед за которой идет окуневская (рис. 1, 2). Независимо от того, какого взгляда на последнюю придерживаются те или иные исследователи, все согласны, что она более поздняя. В ряде афанасьевских оград оказались более поздние впускные окуневские могилы с характерным для этой культуры инвентарем (Максименков, 1965а). Если сравнить афанасьевскую и окуневскую культуры по их археологическим характеристикам, то окажется, что между ними нет ничего общего в основных чертах: в конструкции и форме могильных сооружений, характере, размерах и конструкции могил, обряде погребения, форме и орнаментах посуды и инвентаре, сопровождающем погребенных. Поэтому о генетических связях между ними на основании археологических данных говорить не приходится.

Следующая культура, но уже эпохи бронзы, — андроновская (рис. 1, 3). Сравнение ее с афанасьевской и окуневской показывает, что и тут все основные характеристики — конструкция оград и могил, обряд погребения и инвентарь — различны. Никаких черт, указывающих на генетическую преемственность между этими культурами, не наблюдается (Максименков, 1965б), однако имеются отдельные совпадения.

На первый взгляд совпадений много и они охватывают разные стороны культур. Но оказывается, что это касается не содержания соответствующих черт, а только их формы. Между круглыми оградами афанасьевского и андроновского времени как и между четырехугольными оградами и каменными ящиками окуневских и андроновских памятников общими являются только сами термины: «круглая», «четырёхугольная», «каменный ящик». Ориентировка погребенных на ЮЗ характерна для всех культур Минусинской котловины, на-

чина с афанасьевской и кончая тагарской. Что же касается повторяющихся вещей — колечек, игольников, зубов животных, — то они, взятые сами по себе, вне комплекса, теряют конкретную принадлежность, если не обладают какими-нибудь дополнительными определяющими чертами, например орнаментом. Их можно встретить во многих культурах и на разных территориях.

Таким образом, афанасьевская, окуневская, и андроновская культуры между собой никак не связаны, а отмеченные совпадения не указывают и на длительное существование первой из них наряду с другими. О параллелизме и синхронности культур можно было бы судить по наличию в них характерных вещей, указывающих на существование обмена, но таких вещей нет. Согласно стратиграфическим наблюдениям окуневская культура позже афанасьевской, а андроновская позже окуневской, ибо известны случаи вторичного использования окуневских стел в андроновских могилах.

Из рассмотрения соотношений афанасьевской и андроновской культур вытекает, что они хронологически следуют одна за другой и не имеют общих черт. Смена их проходила в результате вытеснения носителями новой культуры ранее жившего на этой территории населения.

Следующий период — карасукская культура (рис. 1, 4, 5), которую исследователи делят на два этапа, две культуры или две линии развития. Первый из них — карасукский этап (карасукская культура или батеневская линия развития) и второй — каменнолоожский этап (лугавская культура или бейская линия развития). Понятия, вкладываемые исследователями в эти названия, в принципе близки и отличаются только в деталях.

Если сравнить культуры эпохи энеолита с карасукским этапом (рис. 1, 4), то легко можно заметить их различия во всех основных чертах, хотя имеются отдельные несущественные совпадения, аналогичные отмеченным ранее, но они не дают возможности строить какие бы то ни было связи между этими культурами.

Сравнение же андроновской культуры с карасукской (рис. 1, 3, 4) рисует совсем другую картину. Типы и конструкции могильных сооружений, характер расположения и количество могил в оградах, разновидности могил, ящики, цисты и могилы с перегородками, выкладки по краям, положение погребенных на левом боку, характер парных погребений (женщина лежит за спиной мужчины), размещение сопровождающего инвентаря, отдельные случаи ориентировки погребенных головой на ЮЗ, некоторые формы горшков и орнаменты, боль-

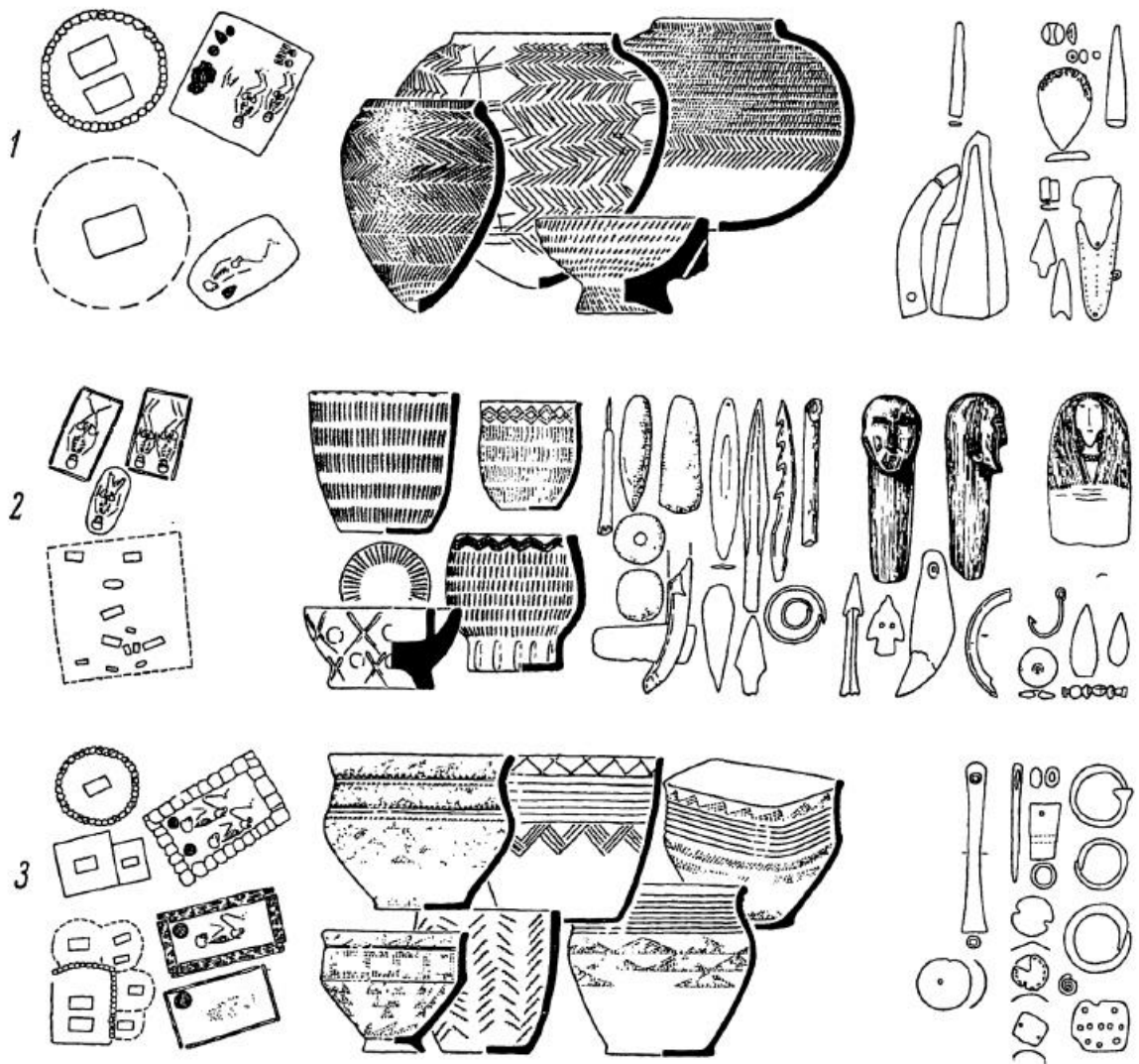

Рис. 1. Последовательность смены культур энеолита и эпохи бронзы в Мынусинской котловине.

1 — афанасьевская культура; 2 — окуневская культура; 3 — андроновская культура;

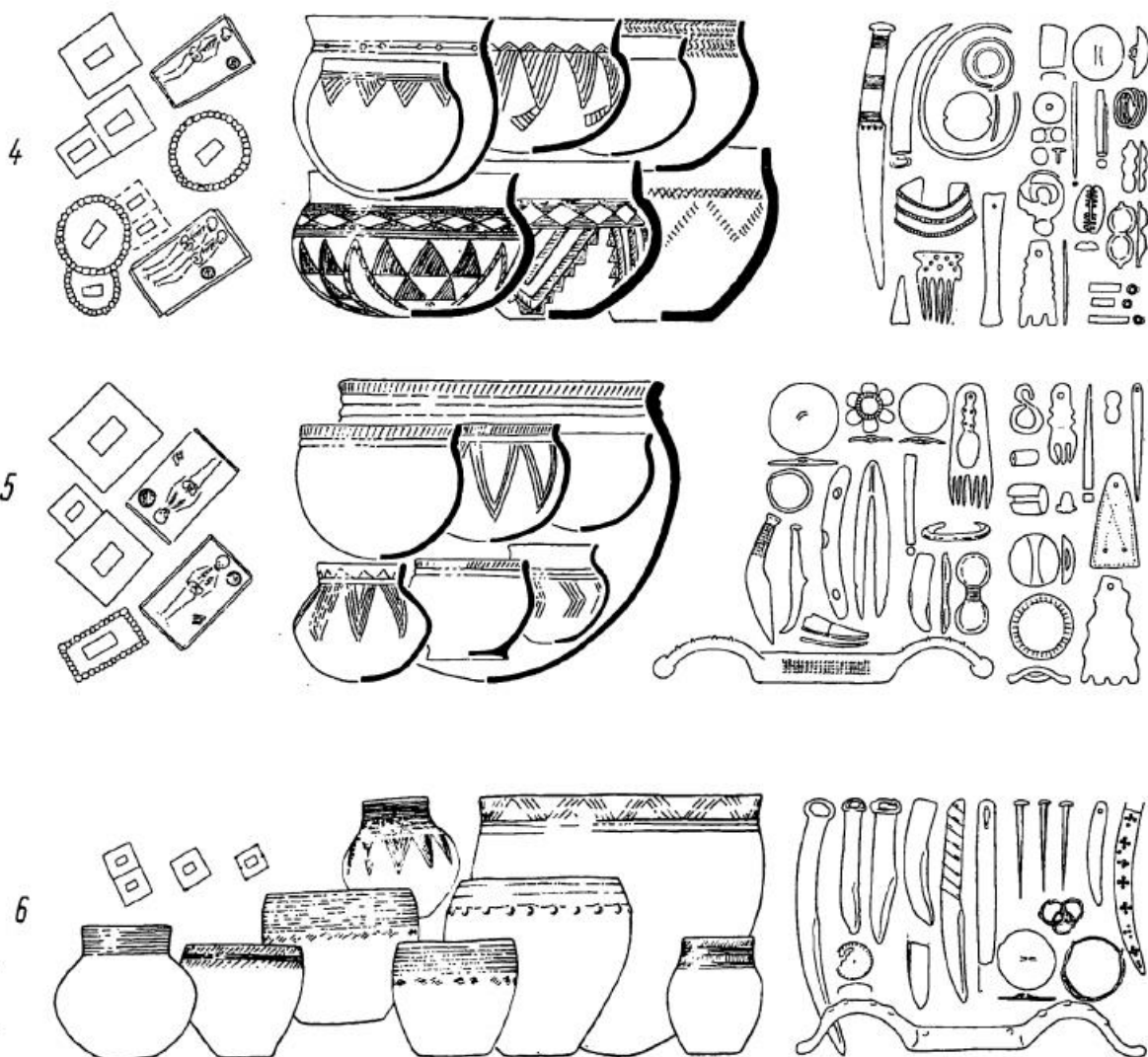

Рис. 1 (продолжение).
 4 — карасукский этап
 карасукской культуры;
 5 — каменнолохский
 этап карасукской куль-
 туры; 6 — бакховский
 этап тагарской культуры.

шие бляхи с отверстиями по краям, перстни с двумя выступами, литые бляшки с петелькой на обороте, височные кольца, проволоочные колечки, бронзовые бусы — являются здесь общими. Все это позволяет видеть преемственность, но в данном случае речь идет не о происхождении карасукской культуры от андроновской, а о чертах первой во второй, что не одно и то же, так как некоторые особенности карасукского этапа не могут быть прямо связаны с андроновской культурой. В результате многочисленных исследований можно считать наличие андроновских черт в карасуке установленным фактом (Теплоухов, 1927; Киселев, 1951, с. 113, 114, 128—130, 135, 138, 139; Грязнов, 1956а, с. 38; Хлобыстина, 1963, с. 15; 1969; Максименков, 1964; Новгородова, 1965б, с. 645—647; 1965в, с. 12—13; 1970а, с. 131). Это отрицает только Н. Л. Членова (1964а, с. 270—271).

Общие для этих культур черты в данном случае являются ведущими и характеризующими андроновскую культуру, в том же или несколько измененном виде они продолжают существовать в карасукской. В то же время то специфическое и своеобразное, что появляется в карасуке, и те варианты андроновских черт, которые характерны для него, полностью отсутствуют в собственно андроновской культуре. Отсюда следует, что связи между ними односторонние и идут от андроновской к карасукской. Для утверждения одновременного длительного существования этих культур нужно доказать двустороннюю связь, отраженную в археологическом материале.

Затем следует каменоложский этап (рис. 1, 5) карасукской культуры (Грязнов, Максименков), называемый также лугавской культурой или этапом (Членова, Новгородова) или бейской группой памятников (Хлобыстина).

Установление места памятников этого этапа имеет особое значение для периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины, так как одни исследователи считают его поздним этапом карасука, другие же проводят прямую и непосредственную связь каменоложских памятников с культурами эпохи энеолита, конструируя особую линию развития, параллельную другой — андроновско-карасукской.

Сторонники прямой связи видят между ними сходство в каменных выкладках, грунтовых ямах, использовании дерева для перекрытия могил, ориентировке погребенных на ЮЗ, яйцевидной и остродонной форме сосудов, орнаментации, применении витых колечек и зубов животных в качестве украшений, сходстве каменоложских треугольных пластин и широких пластинчатых браслетов с оковками деревянных афанасьевских сосудов. Кроме того,

они относят к афанасьевской культуре вещи, явно не свойственные ей: коленчатые ножи и бронзовые иглы окуневского времени (Липский, 1963, с. 80, 82; Хлобыстина, 1963, с. 14; Членова, 1964а, с. 276; 1964б, с. 6; 1963, с. 50, 59; Новгородова, 1965а, с. 181; 1965в, с. 12—13; 1965б, с. 647—648; 1970а, с. 80).

При рассмотрении каменных выкладок выясняется, что в тех местах Минусинской котловины, особенно на юго-западе, где нет плитняка, надмогильные сооружения возводились из обломков камней. Вследствие развала к настоящему времени они приобрели вид выкладок или вымосток. Первоначально же, как удалось установить при раскопках, в зависимости от культуры это были прямоугольные или круглые оградки. В этом случае сравнивается не конструкция погребального сооружения, а результаты многовекового разрушения.

Грунтовые ямы встречаются не только в афанасьевской культуре и каменоложском этапе, но и в окуневской и андроновской культурах. Для афанасьевского времени это исключительный вид могил: ямы большие, 2×2 м и более, довольно глубокие, рассчитанные на погребение нескольких человек. Каменоложские же — небольшие, узкие, неглубокие, предназначенные для одного погребенного. Таким образом, здесь сходство не конкретное, а лишь терминологическое.

Использование дерева для перекрытия могил известно во всех культурах. Афанасьевские ямы перекрыты накатом из толстых бревен. В каменоложское время над могилой иногда кладут тонкие жерди для поддержания плит покрытия. Если это также считать сходством, оно ничего не говорит о генетических связях.

Ориентировка погребенных на ЮЗ свойственна всем культурам, начиная с энеолита и кончая железным веком.

Наличие витых колечек и зубов животных в качестве украшений известно во всех культурах.

Отмечаемое сходство между треугольными каменоложскими пластинами и пластинчатыми браслетами (Новгородова, 1965б, с. 647; 1970а, с. 127), с одной стороны, и оковками афанасьевских деревянных сосудов — с другой, можно объяснить только недоразумением: эти вещи по своему назначению совершенно различны. Их сходство состоит только в том, что они сделаны из бронзовой пластинки и украшены пупсонным орнаментом, использовавшимся во все эпохи.

В качестве сходства сосудов рассматриваемых этапов отмечается их остродонность или яйцевидность, но без конкретных сравнений.

На самом же деле в деталях формы, характере теста, обжиге, толщине стенок и их обработке сходство отсутствует. Каменнолоожские прорезные елочки не сплошные, между ними остаются свободные поля, они состоят из четырех-пяти рядов в вертикальном направлении и расположены только на плечиках (рис. 1, 5). Афанасьевские елочки обычно нанесены зубчатым, часто отступающим штампом. Оттиски плотные, отчего на стенке горшка образуется как бы желобок, орнамент усиливает стенку и обычно покрывает большую часть сосуда (рис. 1, 1). Отсюда следует, что характер орнамента и его назначение различны и сходство остается только в самом названии «елочный». Не имея возможности вывести каменнолоожскую керамику из афанасьевской, ее пытаются связывать с неолитической, распространенной от Финляндии до Забайкалья, иногда конкретно указывая на сосуды из Красноярска (Членова, 1963, с. 50); но и горшок с Узенькой улитки имеет не больше сходства с каменнолоожскими, чем афанасьевские.

Итак, черты, якобы указывающие на прямую связь афанасьевской культуры и каменнолоожского этапа, на самом деле оказываются либо малосущественными, либо настолько несущественными и широко распространенными, что строить генетические связи по ним нельзя.

Сторонники этих связей либо игнорируют окуневскую культуру (Членова), либо объединяют ее с афанасьевской (Новгородова). Не рассматривая детально отличия окуневских и каменнолоожских памятников, следует остановиться только на составных коленчатых ножах. Ножи этого типа, именуемые афанасьевскими (Липский, 1963, с. 64; Хлобыстина, 1963, с. 6, 23; Членова, 1964а, с. 267; Новгородова 1965в, с. 8), найдены только в окуневских могилах.

В результате получается, что каменнолоожцы восприняли формы и орнаменты керамики и некоторые черты от афанасьевской культуры, а ножи от окуневской, генетически не связанной с афанасьевской. Коленчатые ножи — ведущие формы каменнолоожского этапа. Они распространены и в синхронных памятниках соседних территорий (Матющенко, Игольникова, 1966, с. 190), которые связывать с окуневскими не приходится. У окуневцев были не только коленчатые, но и прямые составные ножи; окуневские клинки сделаны из раскованной пластины, как и глазковские, а каменнолоожские — литые, с толстым обухом. Отсюда следует, что между рассматриваемыми ножами имеется только одно сходство — коленчатость. Этого признака явно недостаточно, чтобы генетически связывать окуневские и каменнолоожские памятники.

Таким образом, между энеолитическими культурами Минусинской котловины и каменнолоожским этапом никаких реальных генетических связей нет.

В каменнолоожское время, по мнению сторонников сосуществования, на северо-западе котловины жили андроновцы. Но никто не приводит никаких черт, общих этим культурам, которые могли бы указывать на их синхронность. Поэтому такое утверждение остается небедительным.

Сравнение карасукских и каменнолоожских памятников (рис. 1, 4, 5,) показывает, что надмогильные сооружения Каменного Лога повторяют ведущую в карасуке четырехугольную небольшую ограду, иногда имеющую пристройки. В центре ограды находится ящик. В обряде погребения наблюдается сходство в положении погребенного ближе к одной из длинных стен, ориентировке погребенных на СВ и ЮЗ, помещении горшка слева у головы, а у ног — жертвенного мяса и ножа на нем. Близки карасукским круглодонные горшки с шейкой и орнаменты (прочерченные под шейкой горизонтальные бороздки, свисающие треугольники на шейке), разные вещи и украшения (лапчатые привески, двойные бляшки, зеркала, обоймочки, пронизки, перстни с двумя выступами, пластинчатые узкие и литые массивные браслеты, бляшки-пуговицы с петелькой на обороте, височные кольца).

Все это возникает и становится характерным для карасукских памятников, но продолжает бытовать в измененном или неизменном виде в каменнолоожских. Черт же, характеризующих каменнолоожский этап, в карасукском нет. Отсюда следует, что связи идут односторонне и эти этапы не параллельны, а последовательны.

Пытаясь доказать параллельность двух карасукских этапов, сторонники этих представлений отмечают карасукские черты в Каменном Логе и при этом недифференцированно пользуются термином «карасукский», называя так вещи, не известные в карасуке. По мнению М. Д. Хлобыстиной (1963, с. 16), карасукскими чертами в Каменном Логе являются ориентировка на СВ, оградки и каменные ящики — свидетельство ассимиляции бейцами (каменнолоожцами) батеневцев (карасукцев).

Н. Л. Членова полагает, что карасукцы передали отсталым лугавцам ложносоставные коленчатые и хвостатые ножи, лапчатые привески, обоймочки, перстни с двумя выступами, треугольные бляшки с пунсонным орнаментом, полшарные бляшки, височные кольца, некоторые формы сосудов и оградки с пристройками, а лугавцы при этом сохранили свой обряд и керамику (Членова, 1964б, с. 23; 1967, с. 216).

Иными словами, карасукцы передали лугавцам свою культуру, а сами обзавелись попой, но из нее уже ничего лугавцам не передали. Для Э. А. Новгородовой этот вопрос неясен: в одной из работ она говорит, что лугавцы и карасукцы тесно общались друг с другом, и поэтому отнести некоторые памятники точно к одной из культур трудно (Новгородова, 1965б, с. 651), а в других утверждает, что между этими группами памятников никаких совпадений нет (Новгородова, 1965в, с. 13; 1970а, с. 174). Эти исследователи называют карасукскими кинжалы, чеканы, модели ярма, коленчатые пожи, треугольные бляшки и бляхи-розетки, но в собственно карасукских памятниках они не встречаются.

Если же освободить карасук от не свойственных ему вещей, то окажется, что общим между двумя этапами культуры будут те черты и вещи, о которых упоминалось выше. Говоря о связи карасукского и каменоложского этапов, исследователи называют факты, а когда речь идет об обратных связях, не приводят никаких конкретных доказательств. Отсюда следует, что независимо от точки зрения все согласны в одном — в каменоложском этапе имеются несомненные черты карасукского. Что же касается обратных связей, то их нет, как нет и смешанных карасукско-каменоложских памятников, которые могли бы быть, сосуществой эти этапы, подобно тому как имеются андроновско-срубные памятники в западных районах степных полей (Сальников, 1967, с. 167, 226, 265, 273, 307—309). Отсюда следует, что связи двух этапов односторонние и сами они последовательны.

Доказательством параллельности карасукских и каменоложских памятников является и датировка лугавского этапа, основанная на наличии карасукских вещей в каменоложских памятниках, прорезного копия и времени коленчатых ножей.

Называя каменоложские вещи карасукскими, строят синхронизацию, и в результате каменоложские памятники оказываются синхронными каменоложским вещам. При датировке каменоложского этапа по прорезному копыю ссылаются на Б. Г. Тихонова (Членова, 1963, с. 52), который построил генетический ряд развития копий и поместил прорезные перед сейминскими, считая их предшественниками последних (Тихонов, 1960, с. 25). В 1960 г. прорезные копы не имели ни культурного, ни временного определения. В 1962 г. такое копы впервые было найдено в каменоложской землянке в комплексе с костяными псалями с тремя дырками в разных плоскостях, датируемыми рубежом II—I тысячелетий до н. э. (Смирнов, 1961а, с. 65; Мелентьев, 1968, с. 226).

Коленчатые каменоложские пожи датируют ранним временем, ссылаясь на сходство с окуневскими (Хлобыстина, 1962, с. 22), но это, как было указано, не обосновано. В то же время каменоложские и карасукские пожи явно генетически связаны (Хлобыстина, 1962, с. 18 и сл.). Изогнутые карасукские ножи на основании китойских аналогий относятся примерно к XIII в. до н. э., с чем согласны все исследователи (Членова, 1963, с. 52; 1964б, с. 7; Новгородова, 1965в, с. 9; Пяткин, 1967, с. 59; Грязнов и др., 1968, с. 180). Поэтому эволюция ножей идет от изогнутых через пожи с шипом и уступом к коленчатым. Время коленчатых будет соответствовать прорезному копыю и трехдырчатым псалям, и, следовательно, весь каменоложский комплекс приобретает более позднюю по сравнению с собственно карасукским датой, что полностью согласуется со всем археологическим материалом.

Следующий исторический этап — байновский, начальный этап тагарской культуры (рис. 1, б).

Сходство памятников каменоложского и байновского этапов проявляется в размерах и характере кладбищ, форме, конструкции и размерах оград, конструкции каменных ящиков и могил с деревом, положении погребенных, ориентировке на СВ и ЮЗ, размещении погребального инвентаря (горшок у головы, остатки мясной пищи у колена или голени), больших яйцевидных горшках и происходящих от них горшках с уплощенным дном, шаровидных сосудах с шейкой, орнаментах (ряды косых насечек, елочки, горизонтально прочерченные линии, узкие свисающие треугольники, расположенные на байновских горшках в тех же местах, что и на каменоложских), инвентаре (ножи с уступом, клинки ножей, вставляемые в деревянную или костяную рукоятку, плоские зеркала с петелькой, предметы неизвестного назначения, височные кольца).

Непосредственная связь байновских и каменоложских памятников (Хлобыстина, 1963, с. 15; Членова, 1964а, с. 276) и отсутствие такой связи между байновскими и карасукскими лишний раз доказывают более позднее время каменоложских памятников по сравнению с карасукскими.

Остается разрешить еще один вопрос — непосредственную связь раннетагарских байновских и андроновских памятников.

По мнению Н. Л. Членовой, в X—VIII вв. до н. э. лугавцы смешались с андроновцами, жившими на северо-западе Минусинской котловины или пришедшими в это время из Казахстана (Членова, 1967, с. 216). От андроновцев тагарцы получили украшения, надмогильные сооружения, плоские днища и некоторые

виды орнамента. Сравнивая формы андроновской и тагарской керамики, Н. Л. Членова освобождает андроновскую от орнамента (Членова, 1963, рис. 3, 2, 5, 6, 8, 10, 12, 13), в результате чего достигает некоторого подобия форм сосудов этих двух эпох; правда, при этом берет для сравнения не байновскую керамику, а горшки развитой тагарской культуры (Членова, 1963, рис. 3, 14, 15, 20, 21, 24). Другими объектами сравнения являются редкие сосудики из тагарских памятников VI—V вв. до н. э. и андроновский горшок из Алексеевки, при этом несколько искажаются пропорции сравниваемых сосудов (Членова, 1963, рис. 3, 3—5). Что же касается плоских днщ сосудов, то здесь также нет сходства. Андроновские горшки лепили со дна, и поэтому они имели ярко выраженное плоское дно. У байновских горшков дно — самая тонкая часть сосуда, так как горшки лепить начинали с венчика и после изготовления сосуда дно уплощали, отчего оно имело мягкие очертания и часто было непараллельно линии венчика.

Надмогильных сооружений, близких тагарским оградкам, на промежуточных территориях между Казахстаном и Минусинской котловиной нет. Отличаются тагарские оградки и от андроновских казахстанских, но близки каменоложским. То же касается и украшений. Н. Л. Членова ищет аналогии тагарской культуре не у андроновцев Енисея, которые, по ее мнению, существуют вплоть до тагарского времени, а в памятниках Приуралья, Казахстана и Средней Азии. Она не считается ни с хронологией, ни с тем, что на этих территориях в указанное ею время распространены культуры карасукского облика. При этом она приводит сравнения не по комплексам признаков, а по отдельным разрозненным чертам (Членова, 1967, с. 196). Подобные доказательства при современном состоянии источников считать сколько-нибудь убедительными невозможно.

Исследование археологического материала показывает, что гипотеза о сосуществовании в эпоху бронзы в Минусинской котловине нескольких культур не находит себе подтверждения при полном учете фактического материала. В действительности эти культуры последовательно сменяли одна другую.

Утверждая параллелизм в развитии, исследователи ссылаются на то, что эти культуры якобы были распространены в разных местах котловины. Минусинская котловина изучена очень неравномерно: основные работы проводились лишь в узкой береговой полосе Енисея (рис. 2). И все же даже такое положение после работ Красноярской экспедиции позволяет показать характер распространения разных па-
мятников. В тех местах, где работы велись

регулярно и где раскапывались разные по внешнему виду памятники, были обнаружены могильники всех периодов эпохи бронзы. В долине р. Черновой на площади 5 × 2 км раскопаны афанасьевский, окуневский, андроновский, 3 карасукских, каменоложский и не менее 6 тагарских могильников. Причем афанасьевские, окуневские, карасукские, каменоложские и тагарские курганы оказались на одной небольшой площадке вперемежку.

На р. Карасук на протяжении 3 км раскопано 2 афанасьевских могильника, отдельные окуневские могилы, 2 карасукских могильника, каменоложские поселение и 3 могильника. А несколько южнее — еще афанасьевский могильник, несколько окуневских могил, андроновские поселение и могильник, карасукский могильник и 2 каменоложских. В долине р. Сыды, у ее устья, — афанасьевский, 2 окуневских, андроновских 2 поселения и 2 могильника, не менее 5 карасукских могильников. В устье р. Тубы, под горой Тепсей, оказалась вся свита культур. Памятники всех культур известны в районе Абакана и Минусинска.

На юго-западе котловины работы проводились случайно и носили в основном спасательный характер, но и здесь известны уже все памятники, кроме андроновских. Отсутствие же памятников отдельных исторических эпох в других местах является следствием недостаточной изученности этой территории. Из такого расположения памятников может следовать: либо они разновременны и культуры сменялись последовательно, либо разные по культуре и уровню развития человеческие коллективы жили одновременно на протяжении нескольких столетий, не оказывая друг на друга никакого влияния и образуя подобие некоего «исторического винегрета». Археологический материал свидетельствует о невозможности последнего положения.

В полном согласии с археологическими материалами находятся и современные представления антропологии. Афанасьевские памятники оставлены долихокрайним европеоидным населением, близким к людям древнейшей культуры (Дебец, 1932, с. 27; Алексеев, 1961а, с. 384; 1961в, с. 113). В окуневское время появляется новое население с монголоидными чертами, отличное от афанасьевского (Алексеев, 1961б, с. 129; 1963, с. 157; 1969а, с. 196). Андроновская культура оставлена людьми с особым физическим типом, отличающимся от афанасьевского и окуневского (Дебец, 1932, с. 28; 1948, с. 76; Алексеев, 1963, с. 158). Антропологические материалы двух карасукских этапов пока не разделены и рассматриваются суммарно. В это время наблюдается смешанность разных физических типов; здесь пред-

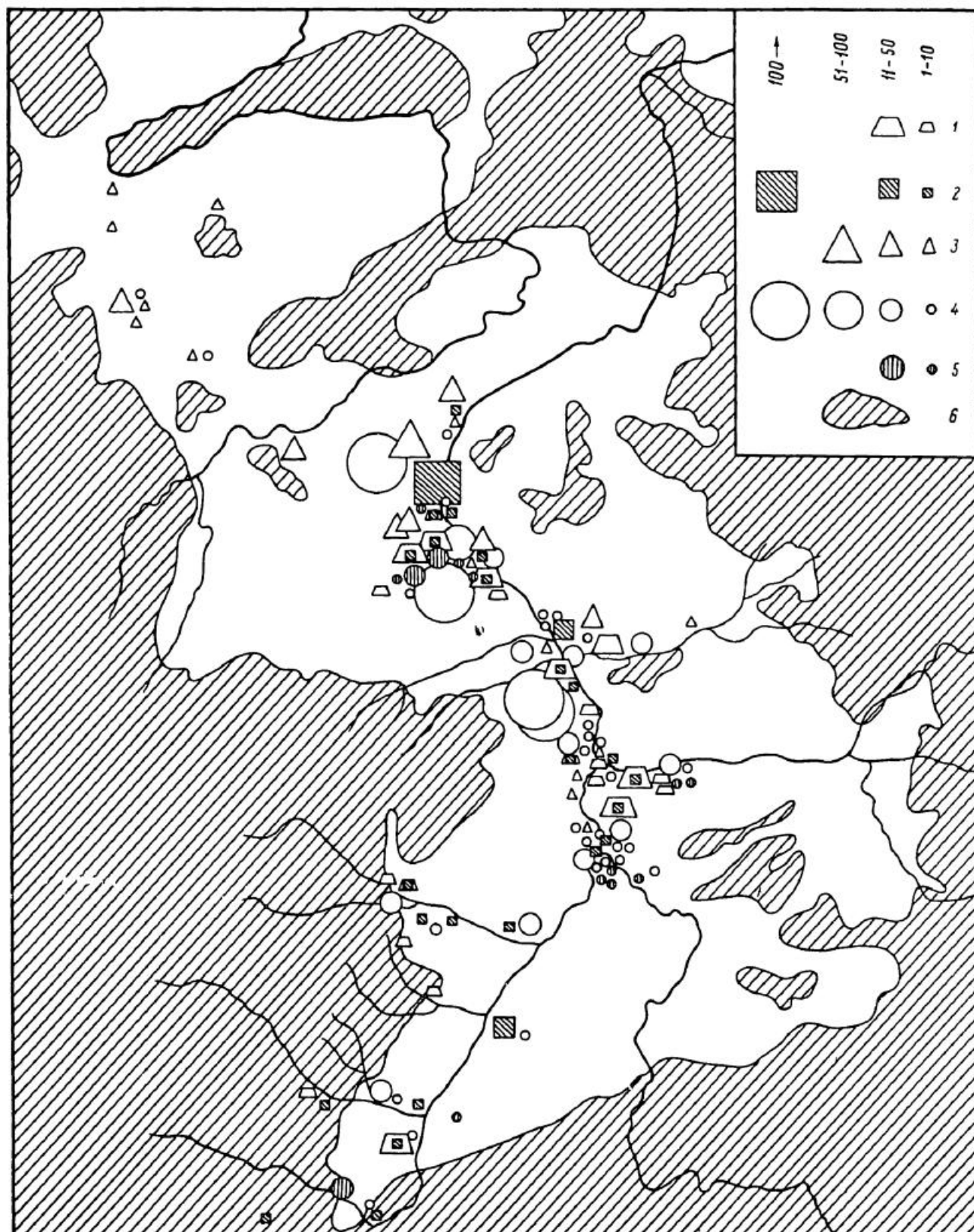

Рис. 2. Карта изученности Минусинской котловины.

1 — афанасьевская культура; 2 — окуневская культура; 3 — андроновская культура; 4 — карасунский этап карасунской культуры;
5 — каменоломный этап карасунской культуры; 6 — границы лесных массивов.

ставлен памиро-ферганский тип (брахикранные европеоиды), андроновцы и потомки окуневцев (Дебец, 1948, с. 82—83; Алексеев, 1961в, с. 163; 1963, с. 159). Нужно подчеркнуть, что новые находки андроновских черепов в карасукских могилах были сделаны в юго-западных районах (Алексеев, 1963, с. 159), где пока не найдены андроновские памятники. В тагарское время население также смешанное (Дебец, 1948, с. 126; Алексеев, 1963, с. 159—160). В основном — это европеоиды, связанные либо с афанасьевским, либо с андроновским типом (для антропологов этот вопрос пока не ясен), монголоиды, связанные с потомками окуневцев, и потомки памиро-ферганцев. Исследованные Г. Ф. Дебецем черепа из каменоложских памятников у с. Лугавского и кургана 44 Тагарского острова свидетельствуют об идентичности населения каменоложского этапа и тагарской культуры (Членова, 1963, с. 54).

Таким образом, антропологические материалы свидетельствуют об отсутствии генетической связи между афанасьевцами, окуневцами и андроновцами и о наличии ее между андроновцами, карасукцами и тагарцами.

При решении вопросов периодизации культур большое значение приобретают даты, полученные радиоуглеродным методом. Соглашаясь с тем, что в XX в. необходимо использовать в археологии данные других наук, нельзя забывать, что археология сама является наукой со своими методами исследования, проверенными всем ее развитием. Поэтому отбрасывание выводов археологии на том основании, что им противоречат данные радиоуглеродного метода, невозможно. Тем более, что и в этих определениях встречаются досадные расхождения. Примером могут служить четыре из восьми андроновских дат (Руденко, 1968, с. 43; Семенов и др., 1969, с. 258). Две из них — 1960 и 590 лет до н. э. — взяты из двух рядом расположенных могил Каменки II, причем в одной могиле похоронен мужчина, а в другой женщина. Вторая пара дат из Ярков II. Здесь также две могилы, расположенные на расстоянии 3 м. Эти даты — 1020 и 420 лет до н. э. В первом случае разница составляет 1370, а во втором 600 лет. Предположить, что в Каменке II в ту же ограду через 1370 лет похоронили мужчину на место, где он и должен был по обряду лежать, — невозможно. Аналогичная картина и в Ярках. Отсюда следует, что по меньшей мере одна из дат в каждой паре ошибочна. Но раз зафиксированы несомненные ошибки, то нет гарантии, что и другие даты не содержат их в себе.

Из восьми известных афанасьевских дат (Руденко, 1968, с. 43; Семенов и др., 1969, с. 28) пять согласуются с данными археоло-

гии¹ — это Малые Копены II — 2490, Саргов Улус — 2320 и Красный Яр I — 2130, 2220 и 2290 лет до н. э. Три другие — 1750 (Черпювая VI), 1520 и 285 лет до н. э. (Карасук III) — противоречат первым четырем и данным археологии. Если считать, что даты Карасука III отражают объективную реальность, то, по подсчетам М. П. Грязнова, получается, что люди, оставившие этот могильник, соорудили по одной ограде каждые 100 лет и хоронили по одному человеку через каждые 20 лет. Картина абсурдная.

Если же считать все даты афанасьевского и андроновского времени отражающими истину, то можно прийти к выводу: эти культуры существовали на протяжении 2200 лет и не оказывали никакого влияния друг на друга.

Для карасукского этапа радиоуглеродных определений нет, но есть даты каменоложского этапа. Они дают 980 и 760 лет до н. э. (Карасук IV) (Руденко, 1968), что полностью соответствует данным археологии. Даты же тагарской культуры не выходят за нижнюю границу ее по данным археологии.

Следовательно, полученными радиоуглеродным методом датами, одна часть которых полностью соответствует данным археологии, а другая им противоречит, можно пользоваться в настоящее время только с очень большой осторожностью.

Итак, данные археологии, антропологии и радиоуглеродного метода позволяют прийти к выводу, что Минусинская котловина в каждую из рассмотренных эпох была однокультурной. Никаких объективных данных, показывавших, что здесь в эпоху бронзы одновременно существовало несколько или хотя бы две культуры, нет. Более того, на соседних территориях в то же самое время развивались аналогичные минусинским культуры (Максименков, 1970, с. 75). Что же касается лесостепных районов, то там существовали хотя и своеобразные, но близкие степным культуры. Вполне возможно, что в окружающих Минусинскую котловину горных и таежных районах бытовали и другие культуры, по эти места в настоящее время практически не изучены.

С. А. Теплоухов и С. В. Киселев проводили как бы единую линию развития культур от афанасьевской до тагарской. Последними работами установлено, что такой прямолинейности в развитии культур Минусинской котловины в эпоху бронзы не было. Здесь ясно выделя-

¹ Три новые даты получены в результате анализа бревен перекрытия могил из Красного Яра (раскопки Э. Б. Вадецкой в 1969 и 1972 гг.). Курганы 7 — 2120±40 лет до н. э.; курган 9 — 2220±50 лет до н. э.; курган 12 — 2290±60 лет до н. э.

ется два больших периода, отличающихся по характеру взаимосвязей культур.

Первый из них — период энеолита и ранней бронзы — охватывает афанасьевскую, окучевскую и андроновскую культуры. Между ними нет никаких преемственных связей, они последовательно вытесняют одна другую, причем следов предшествующей не наблюдается в последующей культуре. Во время смены этих культур наблюдалось их эпизодическое сосуществование. Когда одна культура двигалась, а другая отступала, между ними существовала определенная граница, смещавшаяся в сторону продвижения новой культуры. Но этот этап истории не отражен в археологическом материале, поэтому приходится просто констатировать смену одной культуры другой.

Второй период — с конца андроновской до

тагарской культуры включительно — характеризуется совершенно другими чертами. В это время между последовательными культурами и этапами наблюдается несомненная генетическая связь. Следовательно, в Минусинской котловине в эпоху бронзы удастся проследить различный характер взаимосвязей между культурами, что значительно усложняет и конкретизирует представления о характере исторического процесса. Но несмотря на все новые дополнения, общая схема смены культур, последовательно следовавших одна за другой, остается неизменной. Что же касается представлений о параллельности развития некоторых культур или двух линий их развития на этой территории, то они представляют собой как бы болезнь роста наших знаний, вызванную бурным накоплением новых фактов.